

Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития

*Вячеслав Николаевич Овчинников, лаборант-исследователь Центра макроэкономических исследований НИФИ Минфина России, г. Москва; преподаватель Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
E-mail: ovchinnikov@nifi.ru, ORCID 0000-0001-9786-3299*

Аннотация

В настоящей работе подробно обсуждаются результаты эмпирических исследований лауреатов Нобелевской премии по экономике 2019 г. М. Кремера, А. Банерджи и Э. Дюфло. Полевые эксперименты лауреатов в образовании, здравоохранении, финансовой и технологической сферах позволили иначе взглянуть на эффективность традиционных инструментов социально-экономической политики в странах догоняющего мира, предлагая им взамен новые, более совершенные практики и реформы, направленные на борьбу с бедностью. Помимо востребованности полученных выводов в политической плоскости эксперименты лауреатов обеспечили экономику развития мощным аналитическим и методологическим инструментарием, формируя тем самым фундамент для последующих академических изысканий в данной отрасли экономической науки.

Ключевые слова: Нобелевская премия, лауреаты, экономика развития, эксперимент, бедность, догоняющий мир

JEL: O10, O12, O15

Для цитирования: Овчинников В. Н. Нобелевская премия по экономике 2019 года: борьба с бедностью и эксперименты в экономике развития // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 2. С. 120–131. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131.

DOI: 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131

Nobel Prize in Economic Sciences 2019: Poverty Alleviation and Experiments in Development Economics

Vyacheslav N. Ovchinnikov^{1, 2}

E-mail: ovchinnikov@nifi.ru, ORCID 0000-0001-9786-3299

¹ Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod — National Research University, Nizhny Novgorod 603000, Russian Federation

Abstract

In this paper, the results of empirical studies by Nobel Prize laureates in Economic Sciences 2019 Michael Kremer, Abhijit Banerjee and Esther Duflo are discussed. Field experiments in education and healthcare systems as well as in the financial and technological areas made it possible to evaluate differently the effectiveness of traditional instruments of economic and social policy in poor countries,

offering new, better practices and reforms aimed at poverty alleviation. In addition to the relevance of the findings in politics, the experiments by the laureates provided development economics with powerful analytical and methodological tools, forming the foundation for future academic investigations in this branch of economics.

Keywords: Nobel Prize, laureates, development economics, experiment, poverty, poor countries

JEL: O10, O12, O15

For citation: Ovchinnikov V.N. Nobel Prize in Economic Sciences 2019: Poverty Alleviation and Experiments in Development Economics. *Financial Journal*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 120–131 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-2-120-131.

ВВЕДЕНИЕ

Нобелевская премия по экономике 2019 г. была присуждена американским ученым М. Кремеру¹, А. Банерджи и Э. Дюфло² «... за их экспериментальный подход в борьбе с глобальной бедностью»³.

Следует сказать, что «нобелевка» 2019 года органично вписывается в общий круг премий, так или иначе ассоциируемых с проблемами экономики развития (*development economics*). В частности, достаточно вспомнить новаторские для своего времени работы А. Сена⁴ [Sen A., 1981], позволившие иначе взглянуть на причинную природу голода в развивающемся мире, и в своем роде революционные исследования лауреата Нобелевской премии 2015 года А. Дитона⁵ [Deaton A., 1997], сформировавшие естественный базис для развития прикладной микроэкономики и базирующейся на микроопросах экономики развития⁶.

Вместе с тем исследования лауреатов 2019 г. представляются еще более комплексными и содержательными в данной области. Связано это с несколькими причинами.

Во-первых, если премии 1997 и 2015 гг. лишь частично касались проблематики бедности, то премия 2019 г. имела прямое отношение к росту благосостояния населения развивающихся стран, что, разумеется, крайне важно в контексте обеспечения глобальной экономической стабильности в настоящем и будущем.

Во-вторых, работы лауреатов прошлого года базировались не только на данных выборочных опросов, но и на полевых экспериментах (рандомизированные контрольные испытания — РКИ), которые охватывали широкий круг общественно важных вопросов развивающегося мира: от проблем систем образования и здравоохранения до модификации инструментов поддержки бизнеса с помощью целевых кредитов, микрокредитов и технологических инноваций. Это позволило дать внушительный импульс развитию экспериментальной микроэкономики и экономики развития.

Более того, благодаря экспериментам стало возможно практическим образом «обкатывать» совершенно новые инструменты решения социально-экономических проблем, которые могли бы быть проигнорированы в противном случае, скажем, по политическим соображениям или мотивам (в особенности это характерно для бедных стран с негибкими

---

¹ Гарвардский университет, Кембридж, США.

² Массачусетский институт технологий, Кембридж, США.

³ Более подробно см.: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2019/press-release/>.

⁴ А. Сен получил Нобелевскую премию по экономике в 1998 г. «... за вклад в экономику благосостояния».

⁵ А. Дитон получил Нобелевскую премию по экономике в 2015 г. «... за анализ потребления, бедности и благосостояния».

⁶ Ранее экономика развития как научная область манипулировала лишь эмпирическими данными высокой степени агрегации, привлекаемыми из системы национальных счетов стран.

политическими институтами). Иными словами, с помощью эксперимента М. Кремером, А. Банерджи и Э. Дюфло формировался сам прецедент того или иного события, к которому впоследствии применялся оценочный экономический анализ — эффективно или неэффективно. Очевидно, что имплементация и масштабирование таких практик в будущем позволит правительствам развивающихся стран экономить бюджетные средства, выделенные на реализацию заведомо провальных проектов, перераспределяя их в пользу экономически оправданных решений.

Наконец, проводя полевые исследования в самих развивающихся странах, ученые имели возможность тесным образом сотрудничать с общественными институтами и местными администрациями, что также формировало довольно ценный эмпирический багаж и переносило исследовательские результаты в политическую плоскость.

Далее работа будет построена следующим образом. В первой части мы коснемся экспериментальных результатов, полученных лауреатами в системе образования, во второй части подробно обсудим эксперименты в системе здравоохранения, в третьей части проанализируем подборку авторских экспериментов и выводов, имеющих прямое отношение к финансам и технологиям в бедных странах. Наконец, в конце работы мы укажем, чем исследования лауреатов могут быть полезны для российской экономической практики.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Известно, что современные модели экономического роста включают в себя не только капитал, труд и технологии, но и отсылают нас к процессу воспроизводства и накопления человеческого капитала [Barro R., 1991; Mankiw G. et al., 1992]. Именно расхождения в обладании интеллектуальным капиталом становятся поводом для дифференциации в межстрановом уровне жизни.

Вместе с тем, обращая внимание лишь на относительно «грубые»⁷ макроэкономические оценки отдачи от образования⁸ и их дифференциацию от страны к стране, довольно сложно очертить рекомендательный контур трансформации образовательных систем, прежде всего развивающихся и бедных стран.

Полевые эксперименты и опросы позволили авторам по-новому взглянуть на процесс выработки и оптимизации набора инструментов, призванных повысить качество школьного образования в бедных странах (речь идет об экспериментах в Кении и Индии). При этом в эксперименты были вовлечены не только сами школьники, но и преподавательский состав учебных заведений.

В первую очередь стало очевидно, что такие простые практики экстенсивного типа, как увеличение количества учебников или интерактивных досок в расчете на одного учащегося, не работают сами по себе, а именно не способствуют росту средней успеваемости учеников. Об этом свидетельствовали результаты М. Кремера и соавторов [Glewwe P. et al., 2009] по экономике Кении. Они выявили рост успеваемости только среди самых сильных школьников, что связывалось с определенной негибкостью образовательной системы к изменениям в политико-экономической среде в стране. В частности, интенсивная экспансия образовательного сектора в Кении (охват начальным школьным образованием в Кении вырос до 90 % к 1980 г.) привела к тому, что в школьные классы зачислялось много детей с низким уровнем изначальной подготовки, которые не владели

---

⁷ К примеру, совершенно очевидно, что десять лет обучения в развитых странах несопоставимы с десятью годами обучения в бедных государствах.

⁸ В большинстве своем речь идет об оценке уравнения оплаты труда (уравнения Минцера), в спецификации которого фактором является достигнутый уровень образования.

навыками чтения учебников на английском языке. При этом национальная образовательная программа оставалась в большей степени ориентированной на детей из элитарной среды (в том числе из семей политических лидеров) и требовала адаптации под нужды отстающих учеников.

В работе [Banerjee A. et al., 2007] поднимался аналогичный вопрос, но применительно уже к индийским городам Мумбаи и Ваходара, с большей смещенностью в сторону нормативного, а не позитивного экономического анализа. Исследователи пытались снизить уровень разброса оценок за математический тест среди учеников — вариацию оценок, вовлекая отстающих школьников в корректирующие и, что принципиально важно, недорогостоящие образовательные программы, в том числе с помощью компьютерных технологий (*computer-assisted learning*). Следует сказать, что участие школьников в этих программах действительно привело к сокращению (в размере 0,47 стандартного отклонения) дифференциации баллов за тест в краткосрочном и среднесрочном периодах. Это позволило авторам утверждать о необходимости воспроизводства эксперимента на национальном уровне и глубокой реформы образовательного сектора.

О важности качественного реформирования систем образования в развивающихся странах свидетельствовали и выводы, прослеживаемые в других экспериментальных работах лауреатов. В частности, в исследовании [Duflo E. et al., 2015] авторам удалось одновременно пролить свет на несколько феноменов, свойственных кенийской системе школьного образования.

Все дело в том, что в начале 2000-х гг. в Кении была разработана и имплементирована образовательная программа (*Extra Teacher Program — ETP*), позволившая локальным органам власти осуществлять дополнительный краткосрочный наем учителей. Она была рассчитана на двухлетний срок, охватила 70 случайно отобранных школ страны и преследовала в качестве своей первоочередной цели сокращение среднего размера школьного класса. Такая мера, по мнению разработчиков программы, должна была повысить успеваемость учеников за счет большего внимания преподавателей к каждому из них. Особенностью эксперимента стало и то, что в некоторых школах, охваченных ETP, была внедрена комплементарная программа (*School-Based Management Program — SBM*), разработанная уже самими лауреатами и призванная повысить уровень контроля над функционированием школ со стороны родителей и школьных комитетов (в том числе речь шла об осуществлении мониторинга трудовых усилий преподавательского состава).

Так, в частности, в исследовании подчеркивалось, что уменьшение размера класса с 82 до 41 учащегося не приводило к росту его средней успеваемости. Причиной тому стали ослабленные стимулы к труду у штатных⁹ преподавателей — дополнительный краткосрочный наем сторонних преподавателей подталкивал их штатных коллег к многочисленным прогулам (прирост числа прогулов составил приблизительно 16 %).

С другой стороны, сама система перехода на краткосрочный возобновляемый трудовой контракт выглядела весьма эффективной — нанятые на местах преподаватели появлялись в школах чаще и учили школьников лучше, чем их штатные коллеги, нанятые центральной властью. Связывалось это с их сравнительно большей мотивацией к труду, ассоциируемой с ежегодной пролонгацией трудовых отношений.

Любопытной деталью эксперимента стало и следующее эмпирическое наблюдение авторов — около трети нанятых на местах преподавателей приходились ближайшими родственниками своим штатным коллегам. Это указывало на то, что преподаватели-штатники

---

⁹ Под штатным преподавателем (преподавателем-штатником) авторы понимали преподавателя, профессиональная деятельность которого регламентировалась центральными органами власти (Министерством образования страны). В противном случае ученые говорили о стороннем преподавателе или преподавателе-контрактнике.

помимо прогулов занятий извлекали дополнительную выгоду за счет формирования занятости для членов своих семей. Кстати говоря, привлеченные таким образом преподаватели-контрактники, «отягощенные» родственными связями, учили детей сравнительно хуже.

Наконец, исследователи отмечали, что вовлечение школ в программу SBM позволило существенным образом сократить упомянутые выше злоупотребления найма преподавателей со стороны (доля преподавателей-контрактников, «отягощенных» родственными связями, значительно снизилась). Более того, программы SBM способствовали росту уровня квалификации преподавателей-контрактников, обеспечивали их последующий переход в категорию преподавателей-штатников (государственных служащих) и увеличение средней успеваемости кенийских школьников.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Еще одной важной предпосылкой долгосрочного роста следует считать здоровье населения. Сверхнизкие инвестиции в здоровьесберегающие практики являются краеугольной характеристикой догоняющего мира, не позволяющей ему выбраться из ловушки бедности и зоны за пределами малых доходов [World Health Organization, 2002; IMF, 2004]. По этой причине значительное количество исследований М. Кремера, А. Банерджи и Э. Дюфло было посвящено именно этому вопросу.

Лауреатами было продемонстрировано, что проблема многочисленных прогулов свойственна не только преподавательскому составу школ, но и медицинскому персоналу сельских больничных пунктов бедных стран¹⁰ [Banerjee A. et al., 2008]. В связи с этим возникал вполне резонный вопрос, каким образом местные и центральные органы власти могут противостоять такого рода деструктивным практикам работников. В определенной степени решение проблемы могло находиться в формировании довольно строгой системы финансовых стимулов к труду: не пришел на работу — был оштрафован в виде вычета из заработной платы.

Исследователями совместно с неправительственными и правительственными организациями Индии была внедрена соответствующая мотивационная программа, которая затронула более 100 случайно отобранных сельских больничных пунктов штата Раджастан. Суть эксперимента сводилась к тому, что негосударственные организации занимались обходами больничных пунктов и фиксацией прогулов, в то время как государственные органы применяли в отношении прогульщиков санкции, сокращая им заработки.

В первые шесть месяцев осуществления мониторинга прогулы в экспериментальных пунктах (попавших под мониторинг) значительно сократились — медсестры присутствовали на рабочих местах 55 % общего фонда рабочего времени (и только около 30 % — в контрольной группе). Однако в последующие месяцы в результате противодействия ходу реализации программы со стороны местных органов здравоохранения расхождения в количестве прогулов стали постепенно сходить на нет. Так что после 16 месяцев с момента начала эксперимента число прогулов полностью выровнялось — медсестры присутствовали на рабочем месте лишь 43 % своего рабочего времени вне зависимости от групповой принадлежности больничного пункта.

Были отмечены и иные любопытные особенности эксперимента. В частности, сокращение числа прогулов вовсе не означало увеличения количества вылеченных больных. Это указывало на то, что сельское население с определенным скепсисом и недоверием

¹⁰ Согласно выборочным опросам 2003 г. сельские больничные пункты в Индии были закрыты в течение 56 % всего рабочего времени (подразумевался рабочий график: шесть дней в неделю и шесть рабочих часов ежедневно). При этом лишь в 12 % случаев отсутствие медицинского персонала ассоциировалось с дежурством в ином больничном пункте. Более подробно см. в работе [Banerjee A. et al., 2004a, 2004b].

относилось к бюджетной системе здравоохранения в принципе, ее кратковременным улучшениям, делая выбор в пользу частного сектора.

Таким образом, выводы лауреатов сводились к тому, что непродуманные меры социальной политики (или полумеры) имеют очень скромный и ограниченный эффект — сокращение числа прогулов медицинского персонала не способно решить проблему ограниченного спроса населения на услуги больничных пунктов. Лишь по мере технического переоснащения больничных пунктов и роста качества оказания медицинских услуг ситуация могла бы измениться в лучшую сторону.

Еще в одном из экспериментальных исследований [Miguel E., Kremer M., 2004] довольно подробно обсуждался феномен недооцененных пространственных экстерналий распределения медицинской помощи — противогельминтных препаратов.

Так, в январе 1998 г. 75 кенийских школ округа Бусиа, участвующих в проекте Primary School Deworming Project, были случайным образом разделены на три равные группы¹¹. Учащиеся первой группы школ принимали противогельминтные препараты в 1998 и 1999 гг., учащиеся второй группы школ — в 1999 г., наконец, учащиеся третьей группы школ — только в 2001 г.

С одной стороны, авторы пришли к выводу, что прием противогельминтных препаратов действительно позволил на четверть сократить количество пропусков занятий со стороны учеников и, соответственно, повысить уровень их вовлеченности в образовательный процесс за счет улучшения состояния здоровья. Однако какого-либо влияния на средний балл успеваемости зафиксировано не было.

С другой стороны, формирование случайных выборок, или рандомизация на уровне школ, а не групп учеников, позволило авторам более точно вычленить экстерналии (внешние), ранее недооцененные эффекты проекта. Все дело в том, что положительные сдвиги в состоянии здоровья учеников и посещаемости отмечались не только в экспериментальных, но и в соседствующих с ними школах (удаленностью до 3 км), иными словами, в самой контрольной группе. Это определенно усиливало аргументацию в пользу расширения программ медицинской помощи и субсидирования лечения инфекционных заболеваний в развивающихся странах.

Довольно интересным исследованием стала работа [Kremer M. et al., 2011] как содержащая экспериментирование с эффективностью инвестиций в инфраструктуру общего пользования — источники пресной воды для населения, — так и ставящая под сомнение сформировавшуюся в догоняющем мире систему распределения прав на пользование естественными водными источниками: частная или общественная собственность.

Эксперимент подразумевал изначальный охват 184 природных источников пресной воды в сельских поселениях Западной провинции Кении¹², которые впоследствии были стратифицированы по географическому признаку и уровню текущего загрязнения. Это позволило случайным образом выделить как минимум четыре экспериментальные группы источников. Инфраструктура последних была технически модифицирована за счет привлечения инвестиций.

Авторы продемонстрировали тот факт, что усовершенствование объектов инфраструктуры позволило значительно улучшить качественные свойства пресной воды в сельских районах страны (сократилось содержание человеческих и животных экскрементов

¹¹ Рандомизация осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе школы были стратифицированы по географическому признаку — исходя из их административного подчинения — и участия в иных программах неправительственной помощи. На следующем этапе школы, попавшие в одну и ту же страту, были выстроены в алфавитном порядке, и каждая третья по списку зачислялась в экспериментальную группу.

¹² Согласно оценкам Demographic and Health Survey за 2003 г. около 43 % сельских жителей Западной Кении использовали воду из естественных источников в качестве питьевой, и более 90 % сельского населения располагали полноценным доступом к ней.

на 66 %¹³) и снизить распространенность кишечных заболеваний (диареи) среди детей в возрасте до трех лет на 25 %. Правда, значимого влияния на антропометрические показатели детей выявить не удалось.

На следующем этапе авторы обратили свое внимание на перемены в паттернах поведения домохозяйств — увеличилось использование воды из «очищенных» источников по сравнению с иными доступными для сельчан альтернативами. Это позволило им, с одной стороны, проследить и количественно оценить реальные предпочтения домохозяйств, касающиеся собственного здоровья (*revealed preferences*¹⁴), а с другой — соотнести их с заявленными предпочтениями (*stated preferences*). В частности, было показано, что последние определенно доминировали над первыми — домохозяйства высоко оценивали практики обеззараживания природных источников (*stated preferences*), но в меньшей степени следовали им в действительности (*revealed preferences*).

На последнем этапе авторы моделировали альтернативные сценарии перехода прав собственности на источники пресной воды, придя к заключению, что сложившаяся в сельских районах Кении система общественного нормирования — общий доступ к природным источникам (*communal property rights*) — оказывалась предпочтительной. Вместе с тем по мере роста доходов домохозяйств (и, соответственно, большего внимания к собственному здоровью) экономически оправданно смещение прав в пользу частной собственности.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В СИСТЕМЕ КРЕДИТОВАНИЯ И СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ

Предполагалось, что ловушка низких доходов в развивающемся мире может быть преодолена, с одной стороны, технологическим скачком и увеличением совокупной факторной производительности, а с другой — снятием ограничений на доступ к кредитным ресурсам для бизнеса [Aghion P. et al., 2005] и микрокредитным ресурсам для сельского населения [Burgess R. et al., 2005; Burgess R., Pande R., 2005]. Более поздние выводы М. Кремера, А. Банерджи и Э. Дюфло позволили углубить и в известной степени расширить имеющиеся представления в данной области.

В работе [Banerjee A., Duflo E., 2014] исследовалась роль кредитных ограничений в расширенном воспроизводстве крупных и малых компаний. В 1998 г. в Индии были внесены изменения в запущенную ранее программу целевого кредитования приоритетных отраслей экономики¹⁵ (в основном это касалось сельского хозяйства и транспорта). В частности, предусматривался новый инвестиционный порог для участия компаний в программе: если ранее в программу попадали компании с суммарным объемом реальных инвестиций до 6,5 млн рупий, то начиная с 1998 г. граница была сдвинута до 30 млн рупий. Спустя два года инвестиционный порог вновь был пересмотрен и ограничен 10 млн рупий. Результатом такой политики стало то, что малые фирмы приоритетных отраслей имели постоянный источник относительно дешевых кредитов для инвестиций, в то время как большие компании располагали этим доступом лишь на горизонте двух лет.

¹³ Отметим тот факт, что процедура обеззараживания (модификация инфраструктуры) позволила существенно сократить содержание экскрементов и в бытовой воде — воде, используемой домохозяйствами в домашних условиях (ориентировочно на 24 %).

¹⁴ Внутренние или выявленные предпочтения (*revealed preferences*) характеризовали реальные поведенческие практики сельских домохозяйств — как часто они посещали «очищенные» источники пресной воды, как много времени тратили на поиск такого источника и т. д. (*travel-based cost model*). Это позволило авторам привести среднюю фактическую оценку стоимости здоровья испытуемых, улучшения его состояния (*willingness to pay*). Заявленные предпочтения (*stated preferences*) свидетельствовали о неких гипотетических оценках стоимости здоровья, также полученных опросным путем.

¹⁵ Согласно программе доля целевых кредитов в общем портфеле государственных и частных банков должна была достигать 40 %.

Выводы авторов свидетельствовали о том, что только крупные игроки превращали целевые кредиты в инвестиции и увеличивали прибыльность своего бизнеса в период действия программы. Связывалось это с особенностями банковского сектора страны, который характеризовался избыточной концентрацией. По мнению авторов, именно последняя привела к чрезмерной унификации правил кредитования и переоценке банками риска дефолта малых компаний.

В другой, отчасти схожей работе лауреатов [Banerjee A. et al., 2015] были представлены экспериментальные результаты влияния микрокредитов на благосостояние женщин в бедных районах Хайдарабада (пятый по величине город Индии).

В 2005 г. в 52 (из 104) случайным образом отобранных районах Хайдарабада были открыты микрофинансовые учреждения, задача которых сводилась к кредитованию женщин, являвшихся и не являвшихся собственниками бизнеса (экспериментальные районы). Через 15–18 месяцев с момента начала эксперимента был проведен первый контрольный опрос домашних хозяйств: в выборку попало в среднем 65 домохозяйств в каждом из районов с общим количеством 6850 домохозяйств. В аналогичный срок программа микрокредитования стала осуществляться и в оставшихся 52 районах Хайдарабада (контрольные районы), правда, вероятность получения кредита в них была управляемо занижена (на 8,4 п. п.). Еще через два года (через 36 месяцев после начала эксперимента) был проведен второй контрольный опрос домохозяйств.

Любопытной особенностью стало то, несмотря на более ранний старт программы микрокредитования в экспериментальных районах Хайдарабада, исследователям не удалось выявить значимых расхождений в межгрупповых оценках уровня «закредитованности» домохозяйств по истечению трех лет: доля домохозяйств, получивших кредит, в экспериментальных районах составила 38,5 % против 33 % в контрольных районах.

Кроме того, ученые пришли к заключению, что увеличение объемов микрокредитования не воплощалось в создание нового бизнеса¹⁶ или увеличение текущего потребления домохозяйств после 15–18 месяцев. Расширилось разве что потребление товаров длительного пользования. Однако, как отмечали сами авторы, поводом для положительных сдвигов в потреблении могло стать не только и не столько микрокредитование, но и растущее предложение труда или сжимающийся спрос на «ненужные» товары (*temptation goods*). Не подталкивали микрокредиты и к увеличению объемов инвестиций в человеческий капитал (образование и др.). Наконец, в ходе исследования был зафиксирован тот факт, что распространение микрокредитов (около 26,7 % домохозяйств воспользовались микрокредитом через 15–18 месяцев) спровоцировало сокращение неформальных долгов домохозяйств — рефинансирование долгов.

Приблизительно схожие выводы прослеживались и после 36 месяцев — средняя прибыльность бизнеса экспериментальной группы не превосходила аналогичной оценки для контрольной группы, несмотря на то что первые районы имели более продолжительный доступ к микрозаймам. Значимые расхождения отметились лишь на верхних участках шкалы — микрокредиты помогли разве что самым прибыльным бизнесам.

Таким образом, практические выводы лауреатов в известной степени разошлись с теоретическими представлениями и догмами о скором превращении микрозаймов в новые малые предприятия или бизнес-единицы. Вместе с тем они обращали внимание на необходимость отслеживания эффектов финансовой реформы в долгосрочной перспективе, что позволило бы прийти к более исчерпывающим заключениям.

¹⁶ Следует сказать, что микрокредитование домохозяйств действительно спровоцировало рост объемов инвестиций в уже имеющийся бизнес, однако статистически значимых межгрупповых различий в средних показателях прибыльности бизнеса зафиксировано не было.

Еще одной довольно интересной работой стало экспериментальное исследование [Duflo E. et al., 2008], увязывающее низкую производительность кенийских фермеров с негибкостью финансовой системы и информационной асимметрией.

В частности, в июле 2000 г. была проведена серия из шести экспериментов в одном из беднейших округов Западной Кении — округе Бусиа, задача которых сводилась к попытке отследить совместный и независимый эффект использования удобрений и гибридных семян на урожайность.

Для целей сравнительной оценки сельскохозяйственные участки случайным образом были разделены на три группы: на участках первой группы использовались традиционные подходы к выращиванию кукурузы (без удобрений), на участках второй группы использовались удобрения в виде кальциево-аммиачной селитры (КАС), на участках третьей группы была использована целая группа из удобрений и гибридных семян, рекомендованная Министерством сельского хозяйства страны. Кроме того, исследование авторов подразумевало и экспериментирование с оптимальной порцией удобрений: от одной чайной ложки на посадочную яму (официальная рекомендация Министерства сельского хозяйства) до 0,5 и 0,25 чайной ложки на посадочную яму (рекомендация независимых экспертов). Программа охватила шесть сельскохозяйственных сезонов, или три года (два сезона на каждый год), без существенных различий между ними.

Результаты свидетельствовали о том, что применение КАС в оптимальных количествах обеспечивало рост урожайности на 69,5 % в годовом исчислении, при этом следование официальным рекомендациям Министерства сельского хозяйства не воплощалось в столь существенные сдвиги.

Авторами был поставлен и иной вопрос: почему, несмотря на ощутимый прирост урожайности, КАС и другие виды удобрений не находят широкого применения среди кенийских фермеров? С одной стороны, это могло быть связано с массовой недоинформированностью фермеров о полезных свойствах удобрений (*lack of information*). С другой стороны, проблема могла крыться в отсутствии у фермеров собственных сбережений и доступа к кредитам.

Согласно выводам авторов, ни стоимость удобрений, ни их полезные свойства не играли решающей роли. Предоставление фермерам возможности приобрести удобрения сразу после сбора урожая (по полной рыночной цене, но с возможностью бесплатной доставки) увеличило долю использующих их фермеров на 33 %. Это вступало в противоречие с выдвинутыми ранее предположениями и вычерчивало иной контур проблем догоняющего мира: иррациональное поведение агентов.

УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Чем может быть полезен накопленный теоретико-эмпирический багаж знаний лауреатов Нобелевской премии 2019 года для отечественной экономики и страны в целом?

В более общем ракурсе работы лауреатов говорят нам о том, что эффективность политики может быть предварительно оценена с помощью эксперимента. По этой причине необдуманное следование по тому или иному пути реформирования социальной сферы (образования, здравоохранения, науки и т. д.), в том числе под предлогом нового политического цикла, может быть сопряжено только с издержками. Российской экономике, располагающей довольно ограниченными бюджетными ресурсами и сталкивающейся с недоинвестированием в человеческий капитал и инфраструктуру его воспроизводства [Унтура Г. А., 2019; Рудник Б. Л., Романова В. В., 2017], «точечные» эксперименты и пилотные проекты реформ могут особенно пригодиться.

Следует сказать, что в истории современной России социальные эксперименты уже имелись. Некоторые из них были масштабными, вовлекали в себя значительный административный ресурс и характеризовались неоднозначной эффективностью. К примеру, в 2000-е гг. в России был проведен общеизвестный эксперимент в системе высшего

образования: внедрение единого государственного экзамена (ЕГЭ). Процесс имплементации ЕГЭ был постепенным, прежде охватил значительное количество регионов и учебных заведений, а затем был общенационально «узаконен» в 2009 г. Несмотря на противоречивость ЕГЭ как феномена российской системы образования [Солодников В. В., 2011], поэтапность масштабирования практики ЕГЭ была весьма целесообразной. Пилотные проекты не обошли стороной и отечественную систему здравоохранения. Достаточно вспомнить пилотные эксперименты¹⁷, призванные модернизировать систему финансирования здравоохранения с доминирующей ролью фондов обязательного медицинского страхования (ОМС) — переход на преимущественно одноканальный режим финансирования или страховую модель [Сисигина Н. Н., 2017; Назаров В. С., Авксентьев Н. А., 2017]. Впоследствии реформа также была реализована на общенациональном уровне с довольно спорными промежуточными итогами.

С другой стороны, работы лауреатов ценны продвинутой методологией в экспериментировании: как провести рандомизацию наблюдаемых объектов и сформировать экспериментальную и контрольную группы, каким образом обеспечить генерализацию результатов, как оценить экстерналинные (внешние) эффекты эксперимента и др. Более тщательное методическое планирование и сопровождение пилотных экспериментов в отечественной экономике позволило бы со всей очевидностью повысить их результативность. Так, в 2018 г. в восьми регионах России стартовал претенциозный пилотный эксперимент, направленный на борьбу с бедностью и малообеспеченностью¹⁸. Судить о его результатах (и тем более эффективности при масштабировании в границах всей страны) пока преждевременно, однако сам подход — персонифицированный отбор нуждающихся семей, комплексный анализ источников бедности, совершенствование инструментов социальной поддержки и системы социального контракта — представляется вполне разумным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты исследований М. Кремера, А. Банерджи и Э. Дюфло, можно прийти к заключению об их непреходящей научно-прикладной ценности. Прежде всего, их оригинальность заключается в выборе для оценки программ по борьбе с бедностью рандомизированных экспериментов, которые раньше использовались только в естественнонаучной сфере. Это привело ученых к ряду оригинальных и практически значимых выводов. Во-вторых, лауреаты аргументировали отказ от слепого следования по экстенсивному пути развития образовательных систем развивающихся стран, подчеркивая необходимость выработки и имплементации более выверенных решений. С другой стороны, ученые представили экспериментальную оценку эффективности инвестиций в здоровьесберегающую инфраструктуру общего пользования, указывая на потенциал смещения прав собственности (в пользу частной собственности) по мере роста доходов населения бедных стран и большего внимания к собственному здоровью. В-третьих, они углубили наше понимание процесса трансляции технологий и их воспроизводства в догоняющих странах, сделав вывод об иррациональности экономических агентов в вопросах распределения имеющихся ресурсов. Наконец, их исследовательские выводы пролили свет на высокую роль кредитных ограничений в хозяйственной практике крупного бизнеса, узкие места банковских систем развивающихся стран, противоречивый эффект практик микрокредитования населения.

¹⁷ В мае 2007 года 19 субъектов РФ стали участниками ПНП «Здоровье», направленного на повышение качества услуг в сфере здравоохранения (Постановление Правительства РФ от 19.05.2007 № 296).

¹⁸ Приказ Минтруда России № 748 от 29 ноября 2018 г. «О реализации в субъектах Российской Федерации пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза».

Список источников

- Назаров В. С., Авксентьев Н. А. Российское здравоохранение: проблемы и перспективы // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 4. С. 9–23.
- Рудник Б. Л., Романова В. В. Бюджетное финансирование социально-культурной сферы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. Т. 34. № 2. С. 124–142.
- Сисигина Н. Н. Финансовое обеспечение современных страховых систем здравоохранения // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 1. С. 77–90.
- Солодников В. В. Единый государственный экзамен: оправдались ли ожидания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5. С. 113–122.
- Унтура Г. А. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 107–131. URL: <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.107-131>.
- Aghion P. et al. Volatility and Growth: Credit Constraints and Productivity-Enhancing Investment / NBER Working Paper No. 11349, 2005.
- Banerjee A., Deaton A., Duflo E. Wealth, Health, and Health Services in Rural Rajasthan // American Economic Review. 2004a. Vol. 94. No. 2. P. 326–330. URL: <https://doi.org/10.1257/0002828041301902>.
- Banerjee A., Deaton A., Duflo E. Health Care Delivery in Rural Rajasthan // Economic and Political Weekly. 2004b. Vol. 39. No. 9. P. 944–949.
- Banerjee A., Cole S., Duflo E. et al. Remedying Education: Evidence from Two Randomized Experiments in India // Quarterly Journal of Economics. 2007. Vol. 122. Iss. 3. P. 1235–1264.
- Banerjee A., Glennerster R., Duflo E. Putting a Band Aid on a Corpse: Incentives for Nurses in the Indian Public Health Care System // Journal of European Economic Association. 2008. Vol. 6. Iss. 2–3. P. 487–500. URL: <https://doi.org/10.1162/JEEA.2008.6.2-3.487>.
- Banerjee A., Duflo E. Do Firms Want to Borrow More? Testing Credit Constraints Using a Directed Lending Program // Review of Economic Studies. 2014. Vol. 81. Iss. 2. P. 572–607. URL: <https://doi.org/10.1093/restud/rdt046>.
- Banerjee A., Duflo E., Glennerster R. et al. The Miracle of Microfinance? Evidence from a Randomized Evaluation // American Economic Journal: Applied Economics. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 22–53. URL: <https://doi.org/10.1257/app.20130533>.
- Barro R. Economic Growth in a Cross Section of Countries // Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. No. 2. P. 407–443.
- Burgess R., Wong G., Pande R. Banking for the Poor: Evidence from India // Journal of the European Economic Association. 2005. Vol. 3. No. 2–3. P. 268–278. URL: <https://doi.org/10.1162/jeea.2005.3.2-3.268>.
- Burgess R., Pande R. Do Rural Banks Matter? Evidence from the Indian Social Banking Experiment // American Economic Review. 2005. Vol. 95. No. 3. P. 780–795. URL: <https://doi.org/10.1257/0002828054201242>.
- Deaton A. The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. John Hopkins University Press, 1997.
- Duflo E., Kremer M., Robinson J. How High Are Rates of Return to Fertilizer? Evidence from Field Experiments in Kenya // American Economic Review. 2008. Vol. 98. No. 2. P. 482–488. URL: <https://doi.org/10.1257/aer.98.2.482>.
- Duflo E., Dupas P., Kremer M. School governance, teacher incentives, and pupil-teacher ratios: Experimental evidence from Kenyan primary schools // Journal of Public Economics. 2015. Vol. 123. P. 92–110.
- Glewwe P., Kremer M., Moulin S. Many Children Left Behind? Textbooks and Test Scores in Kenya // American Economic Journal: Applied Economics. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 112–135.
- Health, Economic Growth, and Poverty Reduction. The Report of Working Group 1 of the Commission on Macroeconomics and Health / World Health Organization, 2002.
- Health and Development. Why Investing in Health is Critical for Achieving Economic Development Goals / IMF, 2004.
- Kremer M., Leino J., Miguel E. et al. Spring Cleaning: Rural Water Impacts, Valuation and Property Rights Institutions // The Quarterly Journal of Economics. 2011. Vol. 126. Iss. 1. P. 145–205. URL: <https://doi.org/10.1093/qje/qjq010>.
- Mankiw G., Romer D., Weil D. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. No. 2. P. 407–437. URL: <https://doi.org/10.2307/2118477>.
- Miguel E., Kremer M. Worms: Identifying Impacts on Education and Health in the Presence of Treatment Externalities // Econometrica. 2004. Vol. 72. No. 1. P. 159–217. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0262.2004.00481.x>.
- Sen A. Poverty and Famines: an Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Поступила в редакцию 28 января 2020 г.

Принята к публикации 8 апреля 2020 г.

References

- Aghion P. et al. (2005). Volatility and Growth: Credit Constraints and Productivity-Enhancing Investment. NBER Working Paper No. 11349.
- Banerjee A., Deaton A., Duflo E. (2004a). Wealth, Health, and Health Services in Rural Rajasthan. *American Economic Review*, vol. 94, iss. 2, pp. 326–330. Available at: <https://doi.org/10.1257/0002828041301902>.
- Banerjee A., Deaton A., Duflo E. (2004b). Health Care Delivery in Rural Rajasthan. *Economic and Political Weekly*, vol. 39, iss. 9, pp. 944–949.
- Banerjee A., Cole S., Duflo E. et al. (2007). Remedying Education: Evidence from Two Randomized Experiments in India. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 122, iss. 3, pp. 1235–1264.
- Banerjee A., Glennerster R., Duflo E. (2008). Putting a Band Aid on a Corpse: Incentives for Nurses in the Indian Public Health Care System. *Journal of European Economic Association*, vol. 6, iss. 2–3, pp. 487–500. Available at: <https://doi.org/10.1162/JEEA.2008.6.2-3.487>.
- Banerjee A., Duflo E. (2014). Do Firms Want to Borrow More? Testing Credit Constraints Using a Directed Lending Program. *Review of Economic Studies*, vol. 81, iss. 2, pp. 572–607. Available at: <https://doi.org/10.1093/restud/rdt046>.
- Banerjee A., Duflo E., Glennerster R. et al. (2015). The Miracle of Microfinance? Evidence from a Randomized Evaluation. *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 7, iss. 1, pp. 22–53.
- Barro R. (1991). Economic Growth in a Cross Section of Countries. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 106, iss. 2, pp. 407–443.
- Burgess R., Wong G., Pande R. (2005). Banking for the Poor: Evidence from India. *Journal of the European Economic Association*, vol. 3, iss. 2–3, pp. 268–278. Available at: <https://doi.org/10.1162/jeea.2005.3.2-3.268>.
- Burgess R., Pande R. (2005). Do Rural Banks Matter? Evidence from the Indian Social Banking Experiment. *American Economic Review*, vol. 95, iss. 3, pp. 780–795. Available at: <https://doi.org/10.1257/0002828054201242>.
- Deaton A. (1997). The Analysis of Household Surveys: A Microeconomic Approach to Development Policy. John Hopkins University Press.
- Duflo E., Kremer M., Robinson J. (2008). How High Are Rates of Return to Fertilizer? Evidence from Field Experiments in Kenya. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, vol. 98, iss. 2, pp. 482–488. Available at: <https://doi.org/10.1257/aer.98.2.482>.
- Duflo E., Dupas P., Kremer M. (2015). School governance, teacher incentives, and pupil-teacher ratios: Experimental evidence from Kenyan primary schools. *Journal of Public Economics*, vol. 123, pp. 92–110.
- Glewwe P., Kremer M., Moulin S. (2009). Many Children Left Behind? Textbooks and Test Scores in Kenya. *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 1, iss. 1, pp. 112–135.
- IMF (2004). Health and Development. Why Investing in Health is Critical for Achieving Economic Development Goals.
- Kremer M., Leino J., Miguel E. et al. (2011). Spring Cleaning: Rural Water Impacts, Valuation and Property Rights Institutions. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 126, iss. 1, pp. 145–205. Available at: <https://doi.org/10.1093/qje/qjq010>.
- Mankiw G., Romer D., Weil D. A. (1992). Contribution to the Empirics of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 107, iss. 2, pp. 407–437. Available at: <https://doi.org/10.2307/2118477>.
- Miguel E., Kremer M. (2004). Worms: Identifying Impacts on Education and Health in the Presence of Treatment Externalities. *Econometrica*, vol. 72, iss. 1, pp. 159–217. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0262.2004.00481.x>.
- Nazarov V.S., Avxentyev N.A. (2017). Healthcare in Russia: Problems and Perspectives. *Finansovyy zhurnal — Financial Journal*, no. 4, pp. 9–23 (In Russ.).
- Rudnik B.L., Romanova V.V. (2017). The Budgetary Financing of Socio-Cultural Sphere. *Journal of the New Economic Association*, vol. 34, no. 2, pp. 124–142 (In Russ.).
- Sen A. (1981). Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press.
- Sisigina N.N. (2017). Financing of Modern Health Insurance Systems. *Finansovyy zhurnal — Financial Journal*, no. 1, pp. 77–90 (In Russ.).
- Solodnikov V.V. (2011). Unified State Exam: Whether Expectations Were Met? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5, pp. 113–122 (In Russ.).
- Untura G.A. (2019). Estimation of Human Capital Influence on Economic Growth in Russian Regions under Conditions of Financial Shortage. *Prostranstvennaya ekonomika — Spatial Economics*, vol. 15, no. 1, pp. 107–131 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.107-131>.
- World Health Organization (2002). Health, Economic Growth, and Poverty Reduction. The Report of Working Group 1 of the Commission on Macroeconomics and Health.

Received 28.01.2020

Accepted for publication 08.04.2020